

ОТ РЕДАКЦИИ

Франц Холер — один из тех людей, которых можно описать пастернаковской строкой «быть живым, живым и только». Наверно, поэтому ему всегда удается завоевывать симпатию аудитории, куда бы он ни приехал.

В далеком 1965 году Франц бросил учебу в Цюрихском университете, поскольку начал выступать в кабаре с сольной литературной программой, подыгрывая себе на виолончели. Успех у публики был настолько велик, что он решил на время отложить академическую карьеру и с тех пор так к ней и не возвращался.

Позже он начал сочинять прозу, стихи, пьесы. В родной Швейцарии Холер — национальное достояние. Едва ли найдется читающий конфедерат, который ни разу не слышал его имени. Пишет он и для взрослых, и для детей, его тексты отличает необузданная игра воображения, подпитанная трепетным отношением к творчеству.

Российскому читателю Холер знаком по книгам «Президент и другие рассказы», «Платформа №4», «Стук», а также детской рождественской повести «Ночь кометы» и ряду рассказов, опубликованных в журнале «Иностранная литература».

Протагонисты большинства историй нового сборника «Мошенники» — люди почтенного возраста, которые, однако, не пасуют перед трудностями и продолжают радоваться жизни во всех ее проявлениях. Так, герой «Заснеженного пика» осуществляет мечту о покорении альпийской вершины, несмотря на преклонные годы и неодобрение его идеи окружающими. А вдовствующая героиня заглавного рассказа совершает свадебное путешествие, давно разменяв девятый десяток лет.

Холер не устает удивлять — «Прощание» посвящено знаменитому Йозефу Гайдну, который по воле авторского

воображения незадолго до смерти переносится в XXI век. А сказка Андерсена «Соловей» получает любопытную интерпретацию в одноименном рассказе. «Столик» и «Каменный дождь» пропитаны стародавними суевериями горцев, а «Кошка» и «Не иди!» — современными.

Нигде фантастическое не происходит так случайно, как у Франца Холера. Его рассказы повествуют о странных событиях и внезапном наступлении чудесного: о таинственном каменном дожде, потрясшем персонал одинокого альпийского отеля. О популярном туристическом ресторане, приносящем большие несчастья. О внезапном моменте истины в телефонном разговоре матери и дочери. О ночном пении соловья, возбуждающем жителей маленького городка. И о настырной мошенице, благодаря которой престарелая Амалия Отт отправляется в далекое путешествие. Это незаметные трещины в ткани повседневной жизни, на которые мастерски указывает Франц Холер.

Поводом для написания истории служат и настенный календарь, и новелла классика швейцарской литературы Готфрида Келлера в мягкой обложке, и необходимость носить антиковидную маску, потому что жизнь проявляет себя всюду — во множестве комичных, загадочных и требующих художественного осмысления обстоятельств.

Эта книга заставляет задуматься и улыбнуться, она сочетает в себе легкость и глубину. Каждая история — маленькое чудо, которое делает взгляд на жизнь богаче.

РАССКАЗЫ

МОШЕННИКИ

Женщина у входной двери, хоть и нажала на звонок дважды, явно не была почтальоншей. У почтальонши были светлые волосы, собранные в хвост, а у этой — черные кудри и темные глаза. И одета она была не в синюю униформу, а в красную блузку и черную кожанку.

— Фрау Отт? — спросила она, улыбаясь.

Амалия Отт кивнула. Правда, то и дело с ней случилось, что она не была уверена, где стоит или куда хотела пойти, или действительно ли сегодня воскресенье, раз церковь закрыта, но, как сказал врач, в восемьдесят восемь лет здесь нет ничего необычного, и ей просто нужно носить с собой свой адрес, когда она уходит из дома.

Но сейчас она стояла у двери и кивала, поскольку была уверена, что она Амалия Отт.

— Что вы хотели? — спросила она у незнакомки.

— Я войду на минутку? — спросила та. — Это конфиденциально.

Амалия ненадолго закрыла глаза и увидела двух своих дочерей, их мужей, своих внуков и правнуков, и все они хором кричали: «Не впускай незнакомцев!»

Когда она открыла глаза, женщина в красной блузке стояла все там же и с улыбкой смотрела на нее.

— Пожалуйста, — пригласила Амалия, — входите.

— Очень мило с вашей стороны, — ответила незнакомка, одной ногой уже стоя на пороге.

— Пойдемте на кухню, — сказала Амалия и повела женщину по тускло освещенному коридору. На столе в тарелке лежал надкусанный бутерброд с джемом, а рядом стояли чашка и банка растворимого Nescafé.

— Присаживайтесь, — предложила Амалия, указывая на второй стул. — Я припозднилась с завтраком. Может, вы тоже хотите кофе?

— Спасибо, — отозвалась кудрявая женщина, — но я ненадолго. У меня для вас сообщение от вашей внучки.

Амалия снова ненадолго закрыла глаза и снова увидела маленький семейный хор. Там было пять внуков: трое высоких молодых людей — сыновья первой дочери, еще двое с женами и два правнука, низенький муж второй дочери, а правее стояла девушка лет тридцати, курноса, с детской головкой и махала ей рукой.

— От Корнелии? — спросила Амалия, когда снова открыла глаза.

— Да, от Корнелии, — подтвердила женщина.

— Что с ней?

— У нее неприятности.

И незнакомка рассказала, что Корнелию арестовали во время поездки в Рим, так как она везла другу пакетик с наркотиками; конечно, Корнелия ничего не знала, она бы никогда не сделала ничего подобного, но теперь она в тюрьме, откуда ее выпустят только под залог в 20 000 евро, что примерно равняется 22 000 франков, и Корнелия ей дала ее, Амалии, адрес с просьбой помочь в этой сложной ситуации.

— А ее мать?

Она ни в коем случае не должна ничего узнать, Корнелии ужасно стыдно, что ее втянули в такое дело, она просит никому ничего не говорить в семье и обещает все возместить.

Амалия сделала глоток кофе и отерла губы тыльной стороной ладони.

— Да, — сказала она, — это похоже на Корнелию.

Она всегда любила эту девочку не только из-за того, что та была ее единственной внучкой, но и за присущую ей необузданность. Корнелия еще школьницей любила путешествовать и однажды доехала с подружкой

автостопом до Испании, чем привела в ужас родителей. Амалия тогда успокаивала их, что Корнелия обязательно вернется. Позже она училась в киношколе за границей, хотела снимать фильмы и подрабатывала где придется, они мало общались в последнее время, разве что иногда от нее приходили поздравительные открытки с какого-нибудь далекого острова, и вот теперь это.

Амалия сняла несколько карточек, прикрепленных к холодильнику магнитиками, и посмотрела на них.

— Кажется, это от нее, — сказала она, передавая незнакомке почтовую открытку с бьющимися о скалы волнами. — Она ездила туда на море.

Незнакомка посмотрела на карточку.

— В Ирландии, — последовал ее ответ. — Она мне рассказывала, что часто бывала в Ирландии. Так что мы будем делать с деньгами?

Амалия снова закрыла глаза, и вся ее семья закричала: «Не давай!» Даже оба маленьких правнука мотали головами. И только Корнелия в стороне молча махала ей рукой. Амалия вздохнула.

— Подождите, — сказала она и пошла в комнату покойного мужа. Выдвинула нижний ящик стола и вытащила коробку, на которой крупными буквами было написано «Фотографии». Сверху лежало семейное фото, которое она видела всегда, когда закрывала глаза. Внезапно ей показалось, что Корнелия смотрит на нее с грустью. Под фотографией лежал конверт с надписью «Свадебное путешествие», в котором она хранила деньги. Так придумал ее муж: «От грабителей», — сказал он. Она открыла конверт и отсчитала десять купюр по сто франков. Положила конверт в сумку, стоявшую на столе, и снова закрыла коробку и ящик.

Когда она обернулась, незнакомка стояла в дверном проёме.

— Тут не хватает, — сообщила Амалия. — Придется взять из банка.

— Я вас провожу, — ответила незнакомка.

Час спустя две женщины шли по мосту через Аре. Амалия оделась по-праздничному, как всегда, когда ходила в банк: синий костюм-двойка, поверх него — тонкий дождевик, шляпка с брошью и серебристым пером, а в руках — огромная сумка. Хотя посланница Корнелии и поторапливала ее, Амалия не давала сбить себя с толку. Она говорила, что получит свои деньги только в том случае, если будет выглядеть прилично.

Банк находился на набережной Аре, и кудрявая женщина сказала Амалии, что подождет ее здесь, на скамейке, пока та не вернется с деньгами, за которые, без сомнений, Корнелия будет невероятно благодарна.

Когда Амалия перешла дорогу и обернулась, то увидела, что к незнакомке подседа другая женщина и начала с ней разговор.

Нелегко было объяснить сотруднику за стойкой, что ей нужно 20 000 евро, да еще и наличными. Можно ли узнать, для чего ей понадобилась такая сумма? Она на мгновение задумалась, напомнила себе, что не должна никому ничего говорить, а затем нашла слово, которое показалось ей подходящим.

— Это личное, — ответила Амалия.

Сотрудник сказал, что должен сначала посмотреть, есть ли у них вообще столько евро, ушел и вернулся лишь через некоторое время. Сообщил, что у них действительно есть необходимые купюры, но если она захочет поехать с ними за границу, он мог бы передать ей часть сумм в чеках — так было бы безопаснее, чем наличными.

Поскольку она и слышать об этом не желала, он просто дал ей подписать квитанцию на 21 625 франков. Именно столько стоили 20 000 евро в конверте. Затем

он отсчитал купюры, в основном зеленые и коричневые, во всяком случае, таких она еще никогда не видела, сунул их в конверт и пододвинул ей.

Амалия с улыбкой положила конверт в большую сумку и вслух заметила, мол, она и не подозревала, что у нее так много денег.

Ей следует быть осторожной, сказал сотрудник и осведомился, не нужно ли сопроводить ее домой.

— О нет, в этом нет необходимости, — ответила она, поскольку была не одна.

Однако, когда она подошла к скамейке, там никого не было.

Амалия огляделась, но нигде не увидела красной блузки.

Она села и стала ждать. Ей не нравилось, что женщина, с которой они уже договорились, внезапно исчезла. Ведь Корнелии нужны были деньги.

Она не знала, что мужчина за стойкой успел позвонить в полицию. И за это время наряд задержал двух женщин на скамейке как подозреваемых в мошенничестве.

Она ждала, ждала и уже начала клевать носом.

Когда она очнулась, перед ней стояли мужчина и женщина. Они представились полицейскими, показали фото кудрявой женщины и спросили, знакома ли Амалия с ней.

Она кивнула. «Да, — подтвердила Амалия. — Сегодня познакомились».

Далее двое осведомились, просила ли та денег, и Амалия снова кивнула: «Для моей внучки».

Двое переглянулись и тоже кивнули. Мужчина сказал, что ей повезло, поскольку женщина — мошенница. Потом он предложил пройти с ними в отделение для опознания и дачи показаний.

Амалия была в замешательстве. Она? В полицию? Она покачала головой.

Полицейская уточнила, что можно сходить и завтра утром. Она ведь Амалия Отт, проживающая на улице Розенгассе?

Пораженная тем, что ее знают, Амалия сказала «да» и согласилась, что так было бы лучше, ведь сегодня у нее много дел.

Офицер ответил, что в таком случае он будет ждать ее завтра в участке в девять часов, дал ей свою визитку и спросил, нужно ли ее проводить, чтобы она вернула деньги в банк.

Амалия ненадолго закрыла глаза и тут же снова увидела семейный хор, где все как один кричали: «Дааа!» Но почему-то Корнелия не разделяла общего мнения, а лишь молча стояла с краю.

— Нет, спасибо, — ответила Амалия, поднимаясь со скамейки. — Я справлюсь сама.

— Будьте осторожны! — сказал полицейский и добавил: — Деньги лучше хранить в банке.

Амалия кивнула, попрощалась и медленно пошла по мосту через Аре к вокзалу мимо обнаженного бронзового мужчины, который хотел вскочить на бронзового коня.

На середине моста она остановилась, крепко взялась рукой за перила и взглянула на воду внизу. Ей казалось, что течение уносит все ее мысли. Кто она и почему находилась там? Почему она так хорошо одета? Что, уже воскресенье?

Амалия на миг закрыла глаза, но семейный хор исчез, и осталась только ее внучка Корнелия, безмолвно смотревшая на нее.

Когда Амалия открыла глаза, она уже все решила. Корнелия в Риме, в тюрьме, и нуждается в помощи, и никто

из семьи не должен знать об этом. Никто, кроме нее. Настало ее время. Время бабушки.

На следующее утро в девять часов она села на экспресс до Милана и через Готардский тоннель выехала прямо к Айроло. Над Фирвальдштетским озером еще шел дождь, а тут уже светило солнце.

«Ох, — обратилась она к господину напротив. — Как солнечно!»

Он оторвался от газеты «Базлер цайтунг», поднял голову и ответил: «Мы же в Тичино».

Вчера женщина из туристического бюро Швейцарских железных дорог была до того любезна, что объяснила, где ей нужно пересесть в Милане, и что у нее билет в вагон №24 на поезд до Рима, прибывающий в 13:55. Но перед этим она взглянула на свою клиентку и приветливо спросила, не хочет ли та поехать первым классом, и Амалия согласилась, глазом не моргнув. Также она согласилась на специальное предложение: трехдневное проживание в четырехзвездочном отеле, — заплатив всего 685 франков из конверта «Свадебное путешествие», а когда она попыталась обменять оставшиеся 315 франков на лиры, ей объяснили, что в Италии уже давным-давно можно расплачиваться евро.

Пока они проезжали озеро Лугано, господин напротив спросил, зачем она направляется в Рим, и ей пришлось немного поразмыслить, прежде чем нашелся ответ: «Я в свадебном путешествии».

Тогда господин заметил, что вроде бы для этого ей нужен и мужчина, однако Амалия не растерялась: «Ну вы же тут».

— Но только до Милана, — сказал господин, отсмеявшись.

И все же там он помог ей с пересадкой и отнес ее багаж в вагон №24, где она с радостью обнаружила,

что ее место номер тридцать пять находится возле окна.

Рядом никто не сидел, и незадолго до выхода место напротив заняла обвешанная бусами полная женщина, водрузившая на соседнее сиденье собачью переноску, из которой показалась мордочка маленького шпица.

Амалия улыбнулась сначала собаке, потом даме, и дама улыбнулась в ответ.

— Милая собачка, — сказала Амалия, и дама кивнула.

После Милана поезд до того разогнался, что уже практически невозможно было рассмотреть пейзаж. Мимо проносились усадьбы и тополиные аллеи, появлялись и исчезали шпили церквей, деревни, по бескрайней равнине текла река, так что через некоторое время Амалия перестала смотреть в окно.

Она открыла свою огромную сумку и достала термос, налила себе обжигающего чая и развернула бутерброд с ветчиной, который сделала еще утром.

Шпиц с жадностью уставился на нее.

— Можно? — спросила Амалия, отщипывая кусочек ветчины.

Дама кивнула, ее бусы сверкнули, и шпиц слизнул ветчину с руки Амалии.

На мгновение она снова с ужасом задалась вопросом, где она и почему кормит собачку в этом мчащемся поезде. Но потом увидела в своей сумке прозрачную папку туристического агентства с большой надписью «Рим» и снова все вспомнила. Осталось понять, знает ли она итальянский.

Она решила попробовать. И, указав на шпица, спросила хозяйку: «Comment il s'appelle?»¹

Ответ последовал незамедлительно: «Зорро».

¹ Как его зовут? (фр.)

До Болоньи Амалия узнала от соседки, что Зорро принадлежит ее дочери, которая отдала его на трехнедельную передержку до конца каникул, и теперь его нужно вернуть в Рим.

До Флоренции дама узнала, что Амалия едет в Рим в свадебное путешествие, поскольку после войны, когда она вышла замуж, у них не было денег, и до смерти супруга они так и не смогли съездить, а в Риме дочь дамы со шпирцем подвезла Амалию до отеля «Амбашаторе».

Вестибюль поража́л своими размерами, красными ковровыми дорожками и огромной люстрой над просторными лестничными пролетами. Дама за стойкой регистрации стала чрезвычайно дружелюбной, стоило Амалии протянуть ей папку туристического бюро и заговорить с ней на итальянском, который она довольно хорошо освоила еще во времена своей юности в Романдии. «Pour trois jours»², — выговорила она. И «Parfait»³ было ей ответом.

С легкой иронией она наблюдала, как молодой парень в униформе с золотистыми эполетами, серебряными пуговицами и очаровательной фуражкой схватил ее чемодан. Она последовала за ним, и вместе они поднялись в лифте на пятый этаж.

Сидя в номере на большой двуспальной кровати, Амалия снова почувствовала, что мир ускользает от нее, и ненадолго прикрыла глаза. Она увидела своего покойного мужа: молодой, в воскресном костюме, он вышел из церкви, огляделся вокруг и помахал ей рукой.

Она кивнула, открыла большую сумку и достала оттуда конверт с надписью «Свадебное путешествие».

² На три дня (фр.).

³ Прекрасно (фр.).

Почерк мужа был твердым, разборчивым, а внутри — лиры, которые теперь стали евро. Брошюра, которую она положила на прикроватную тумбочку, называлась «Рим — вечный город». Так вот где она. С облегчением легла на кровать и сразу уснула.

Проснувшись, она еще некоторое время приходила в себя. Вид из окна на бесконечные крыши и башни был для нее совершенно незнакомым, и она долго не могла понять, где находится, пока не заметила брошюру.

«Рим, — сказала она себе. — Я в Риме», — и внезапно ее охватило чувство, которого она уже давно не испытывала. Любопытство, энергичность, что-то из давних времен, будто она вот-вот поедет в детский лагерь или на школьную экскурсию, будто она еще не стала Амалией Отт, матерью двоих детей, а была ребенком — ребенком, у которого впереди целая жизнь. Но к этому примешалось что-то еще, тоже из прошлого: страх перед неизвестностью, похожий на тот, который она испытывала, уезжая в Романдию на год.

Но счастье взяло верх. Номер, в котором она находилась, принадлежал отелю, название которого было на блокноте рядом с телефоном. Она оторвала верхний листок и сунула в карман. Ключ торчал из двери, и на грушевидном брелоке значился номер комнаты. Она снова развернула листок из блокнота и под адресом отеля записала номер: 501. Затем вышла из своей комнаты, заперла дверь и по просторной лестнице, над которой нависала огромная люстра, спустилась в вестибюль.

От приветливой женщины за стойкой регистрации она узнала, что ужин и завтрак включены в стоимость проживания, что ресторан рядом со входом уже открыт и что, если она пожелает, ей могут заказать экскурсию по городу на завтра.

Следующие два дня прошли как в тумане. Амалия рассматривала церкви, дворцы, колонны храмов, фонтаны, парки, монастыри, купола, стояла в Колизее, слушала о римлянах, о Гарибальди и папе римском, видела протянутый перст Бога на потолке Сикстинской капеллы, и ей казалось, что он тянется к ней, она чувствовала себя в другом мире; во время ужина она сначала подумала, что спагетти — это основное блюдо, и почти не могла поверить, что телячья вырезка с овощным гарниром тоже для нее, но она съела все с большим удовольствием, выпила четверть стакана красного вина, взяла к тирамису чашечку кофе, чего обычно никогда не делала по вечерам, а завершила день бокальчиком граппы, и поднялась на лифте, которым она к тому времени научилась пользоваться, в номер 501, где удобно устроилась на внушительной двуспальной кровати.

И люди были такими дружелюбными, баловали ее и разговаривали с ней по-французски, ведь язык, на котором она говорила, как она между тем поняла, вовсе не был итальянским. Однажды кто-то даже догнал ее и вернул ей позабытую в церкви сумку, а непривычно вежливые официанты подвигали ей стул, когда она садилась за стол, и слегка отодвигали его, когда она вставала, — Амалия не могла понять, чем заслужила такое внимание, с каким обычно относились только к богатым людям.

Когда она не понимала, где находится и что привело ее сюда, то сжимала сумку, которую всегда носила с собой, и все прояснялось: она в свадебном путешествии, наверстывает упущенное, ведь так хотел ее муж и специально для этого хранил деньги в конверте.

Правда, иногда ей казалось, будто есть что-то еще, нечто вроде поручения, но о нем ничего вспомнить

не получалось, и она просто наслаждалась путешествием.

На третий вечер, последний вечер перед отъездом, как раз когда она собиралась пойти в столовую, в номере зазвонил телефон.

Амалия испугалась. Разве кто-то знал, что она здесь? Она немного помедлила, затем повернулась, подошла к тумбочке, взяла трубку и проговорила: «Алло?»

Звонила ее внучка Корнелия.

Час спустя она вошла в вестибюль отеля «Амбашаторе», где ее ждала бабушка, и они обнялись.

— Ты беременна, деточка? — спросила она. — А я и не знала.

Она много чего не знала и теперь, сидя в ресторане, внимательно слушала: как ее искали дома и как полиция обнаружила, что она уехала в Рим, после чего ее дочь позвонила Корнелии, ведь та жила в Риме уже полгода. Она преподавала в немецкой школе, чтобы заработать на жизнь, и параллельно работала над фильмом, который не особо продвигался. Ее муж был итальянцем, они познакомились в Мюнхенской киношколе, а недавно он уехал на Сицилию снимать что-то о беженцах. Здесь они жили вместе в однокомнатной квартире, что было не так уж плохо, поскольку большую часть времени он проводил вне дома, и...

Амалия взяла внучку за руку. Ее озаарило, зачем она приехала в Рим.

— А что насчет наркотиков? — спросила она.

Корнелия отдернула руку.

— Это тебе мама рассказала? Можешь не беспокоиться, я уже давно бросила.

Амалия оглядела соседние столики, а затем прошептала:

— Ты долго сидела в тюрьме?

Корнелия даже опешила.

— С чего ты взяла? Я никогда не сидела.

И, пока они ели салат, бабушка рассказала ей о визите кудрявой женщины и обо всех последствиях.

Во второй половине следующего дня обе женщины шли по платформе миланского вокзала. Корнелия проводила Амалию до поезда в сторону Базеля, на котором та добралась бы до Ольтена без пересадок. Найдя нужное место, она поставила чемодан на багажную полку и присела напротив бабушки.

— Что ж, — сказала она, — мне нужно возвращаться в Рим. Не забудь, ты высаживаешься в Ольтене, ясно?

Амалия кивнула.

— Конечно, деточка, а ты как думала?

На мгновение она закрыла глаза. Затем полезла в сумку, вынула толстый конверт, который все это время лежал на дне, и сунула его внучке.

«Пока не забыла, это тебе. Тебе и ребенку. Вдруг понадобится».

Корнелия колебалась.

Амалия рассмеялась: «Хоть ты и не сидела в тюрьме».

Корнелия все еще колебалась, так что Амалия продолжила:

— Не волнуйся. Мне недолго осталось. Не то что тебе.

Корнелия обняла ее, а после они вдвоем направились к дверям вагона.

— И напиши мне, когда родится ребенок!

Позже она ехала вдоль набережной Сан-Сальваторе мимо озера Лугано, а женщина напротив спросила ее, где именно в Италии она побывала, и Амалия ответила:

— В Риме. В свадебном путешествии.

КАЛЕНДАРЬ

С выхода на пенсию жизнь его переменялась.

Он был из тех людей, кто плохо или совсем не подготовился к уходу со службы. Работал он налоговым инспектором по делам малого и среднего бизнеса, и многие побаивались его за неподкупный взгляд на бухгалтерию и вычитаемые расходы. На его проводы ненадолго пришел даже тогдашний городской советник и поблагодарил за то, что своими проверками он сохранял для города шести-, а иногда и семизначные суммы, и пошутил, что своей зарплатой он, советник, всецело обязан его, Эдуарда Френера, трудам.

И вот теперь по утрам он завтракает со своей женой Сибиллой, которая была на несколько лет его моложе, и, когда она уходит на работу в трастовом фонде, остается дома, убирает со стола, ставит тарелки в посудомоечную машину, читает газету, тут же забывая содержание, и не знает, чем бы заняться.

По совету жены он зарегистрировался волонтером в «Pro Senectute», помогать пожилым людям заполнять налоговые декларации, но, к своему удивлению, получил отказ: его заверили, что у них хватало помощников, и к нему с удовольствием обратятся, когда освободится место.

Прогулки он не любил, единственный сын пока не подарил ему внуков, хобби у него не было. Правда, он охотно слушал музыку — классическую, и поэтому на пенсии решил упорядочить обширную коллекцию пластинок, кассет и дисков. Он задумал прослушать каждый экземпляр, составить список, избавиться от дублей и перезаписать кассеты, для которых уже не найти магнитофонов, на CD, хотя и те, говорят, сейчас устарели, а будущее музыки — за жесткими дисками. Однако вскоре Эдуард

выяснил, что сортировать коллекцию он мог всего два часа кряду, после чего возвращалась растерянность, преследовавшая его после завтрака.

Однажды утром, сидя в туалете, Эдуард заметил у зеркала перекидной календарь. Сибилла каждый год вписывала туда карандашом дни рождения родственников и подруг, их сына и даже кое-каких родственников Эдуарда. Он не замечал календарь, как люди, привыкнув, не замечают дома картин. Он не обращал внимания на дни рождения и даже иногда посмеивался над Сибиллой, когда та оставляла в коридоре на полу записку фломастером с напоминанием «ДР» — например, «ДР Альфонса», чтобы, вернувшись, поздравить Альфонса с праздником.

У сегодняшней даты он прочел «Алиса». Однако записки Сибилла не оставила, потому что Алиса — двоюродная сестра Эдуарда, с которой они едва общались. Он достал адресную книжечку, где был записан ее телефон. Не поменяла ли она номер? «Да, это я», — подтвердил женский голос, в равной степени удивленный и растроганный. Она спросила, как он вспомнил про ее день рождения, и Эдуард ответил, что, с тех пор как он вышел на пенсию, у него появилось время заглянуть в календарь, и там он увидел ее имя. Где висел календарь, он не уточнил. После этого он узнал, что дела у Алисы шли неважно, завтра она ложилась в больницу, а послезавтра ее ждала операция по удалению опухоли, потому что химиотерапия после первой не помогла.

Эдуард пожелал ей удачи, пообещал думать о ней и держать кулачки, а после того как положил трубку, написал на бумажке «Чт: букет Алисе» и оставил ее на письменном столе. Сегодня понедельник. В четверг Алиса оправится от операции.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
Мошенники.....	8
<i>Перевод с немецкого Степана Огиевского</i>	
Календарь.....	21
<i>Перевод с немецкого Александры Беккерман</i>	
Заснеженный пик.....	32
<i>Перевод с немецкого Марии Медведевой</i>	
Столик.....	46
<i>Перевод с немецкого Анастасии Сметаниной</i>	
Кошка (телефонный разговор).....	55
<i>Перевод с немецкого Ульяны Сенцовой</i>	
Каменный дождь.....	67
<i>Перевод с немецкого Элины Хановой</i>	
Потерянный смех.....	74
<i>Перевод с немецкого Марии Медведевой</i>	
Прощание.....	85
<i>Перевод с немецкого Элины Хановой</i>	
Соловей.....	94
<i>Перевод с немецкого Анны Захаровой</i>	
Маскировка.....	103
<i>Перевод с немецкого Анны Плотниковой</i>	
Не иди!.....	107
<i>Перевод с немецкого Александры Беккерман</i>	